

К. И. ШНЕЙДЕР

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ СЕРЕДИНЫ XIX В. И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена сравнительному исследованию интеллектуального феномена раннего русского либерализма середины XIX в. и современной политической риторики президентских посланий 2000–2015 гг. Автор отстаивает гипотезу об актуализации идейного наследия отечественного либерализма в условиях переходного периода развития, переживаемого Россией в настоящее время. Такие аксиологические доминанты раннелиберальной концепции, как поиск оптимального пути соединения либеральных реформ и сильного государства, централизация власти, противостояние любым революционным практикам, европеизм, сосуществование традиционных и современных форм проживания, неприкосновенность частной собственности, экономическая свобода, получили определенный политический отклик в текстах президентских речей, особенно в 2000–2011 гг. Компаративистские исследовательские опыты способствуют конструированию новых академических пространств, в рамках которых появляется возможность для ревизии имеющихся версий российской интеллектуальной истории.

Ключевые слова: интеллектуальная история России, ранний русский либерализм, свобода, собственность, личность, европеизация

В отечественной и зарубежной историографии существуют несколько вариантов ответа на вопрос о времени формирования русского либерализма. Их можно систематизировать в границах двух основных подходов – философского и политического¹. Первый сосредоточен на истории восприятия в России европейского интеллектуального наследия эпохи Просвещения, а второй – на появлении первоначальной либеральной политической программы. В зависимости от принадлежности к той или иной точке зрения, в «метриках» раннего русского либерализма указывают разные даты – начиная со второй половины XVIII и вплоть до начала XX в. Ранний русский либерализм в исторической ретроспективе формировался на протяжении длительного периода, достигнув, вероятно, своего «совершеннолетия» в середине XIX в. Во второй половине 1850-х – 1860-е гг. этот интеллектуальный феномен обрел наконец программный вид благодаря работам К.Д. Кавелина и, особенно, Б.Н. Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», положенной в основу первоначальной отечественной либеральной конструкции. Активное участие в репрезентации российской версии евро-

¹ Poole 2015. P. 157–181.

пейской аксиологии свободы принимали представители «второго эшелона» раннего либерализма – столичные литературные критики, академические ученые, публицисты, издатели П.В. Анненков, И.К. Бабст, В.П. Боткин, А.В. Дружинин и Е.Ф. Корш.

Возможно, российский либерализм середины XIX в. стал своеобразной вершиной в разработке концепции «просвещенного самодержавия», оказавшейся удачной формой для генезиса и развития либеральных ценностей в России. С этим, скорее всего, связаны конкретные особенности раннего русского либерализма, в частности монархизм, доктринальное неприятие демократии, всегда ассоциировавшейся с радикализмом и диктатурой масс, частичное признание необходимости сохранения крестьянской общины, амортизировавшей негативные социальные последствия «прорыва» деревни к тотальному рынку, аристократизм и элитизм мировоззрения русских либералов, мечтавших о цивилизаторской роли дворянства. Интересной представляется мысль о формировании раннего русского либерализма на пересечении границ либерального и консервативного полей.

«Производство» отечественной либеральной модели в середине XIX в. изначально происходило при активном вторжении либералов в пространство конкурирующей консервативной мысли. Основоположники русского либерализма использовали плодотворный опыт умеренных западников 1840-х гг., сочетавших либеральные и консервативные ценности. Кроме того, либералы стремились продемонстрировать верховной власти возможности и перспективы расширения концепции «просвещенного самодержавия» за счет наполнения ее классическим либеральным содержанием, адаптированным к местным особенностям и сохранявшим связь с традицией. Конкурентоспособность ранних русских либералов зависела как от их готовности убедить политическую элиту в целесообразности своих предложений, так и от их искусства теоретически преодолеть любые пагубные последствия реформаторства и предотвратить неадекватные радикальные попытки нарушения статус-кво. Неудивительно, что в русском либерализме середины XIX в. присутствовали только тренды с ярко выраженной консервативной составляющей – «народнический» Кавелина и «охранительный» Чичерина.

Очевидно, что применительно к раннему русскому либерализму следует сделать акцент на разнообразии и неповторимости теоретического наследия, касающегося исторических форм либерализма. При обнаружении в той или иной программе признаков классической либеральной аксиологии важно определить, каким образом в ней «снимаются» базовые противоречия либерального мировосприятия в условиях национального развития. Иными словами, интересно выяснить, как отцы-основатели русского либерализма, опираясь на опыт своей социализации, смогли занять те позиции в поле производства идей, которые поз-

волили им наиболее полно вербализировать раннелиберальную концепцию. А это бесперспективно делать без внимания к особенностям местного историко-политического ландшафта, неизбежно детерминировавшего финальный образ российского либерализма середины XIX в.

Метафорический взгляд историка «из настоящего» создает основу для перманентного переосмысления любых, даже «хорошо» известных событий и культурных феноменов, что активно эксплуатируется в настоящее время. В частности, некоторые ценностные доминанты раннего русского либерализма неоднократно обсуждались (осознанно или нет?) в современной политической риторике первых лиц российского государства. Закономерно возникает исследовательский интерес к изучению процесса актуализации и реинтерпретации некоторых положений раннелиберальной концепции середины XIX в. в текстах президентских посланий Федеральному Собранию в период 2000–2015 гг.²

Сразу же появляются сомнения по поводу корректности сопоставления концептуальных рецептов родоначальников отечественного либерализма с программными заявлениями первых лиц государства в настоящее время. Среди аргументов в пользу релевантности данной процедуры можно выделить, во-первых, близость исторического контекста этих двух переходных этапов, когда в обоих случаях появилась необходимость в проведении системных преобразований в обществе, ставших следствием кризиса жесткой мобилизационной модели развития, во-вторых, рецепция альтернативных (либеральных) методов управления социумом и их последующая интеграция в традиционный этатистский дискурс пореформенной и современной России. В-третьих, конструирование до некоторой степени схожей либерально-консервативной программы регулирования с акцентом на постепенные изменения «сверху» под непосредственным присмотром власти.

В своем первом послании Федеральному собранию в должности президента страны (2000 г.) В.В. Путин много говорил о преимуществах сильного государственного начала для гарантированной реализации прав и свобод граждан России. Важнейшей задачей он считал «научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы: свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества», что естественным образом актуализировало давно известную тему конвергенции власти и свободы, о которой так много размышляли отечественные либералы середины XIX в.

Президент Путин сам признавал, что спор «о соотношении силы и свободы очень стар, как сам мир. Он и по сей день порождает спекуляции на темы диктатуры и авторитаризма. Но наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное (если кому-то не нравится слово

² Анализ президентских посланий см.: Малинова 2012, С. 368–395; 2015.

«сильное», скажем – эффективное) государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины»³.

С одной стороны, значительная часть этих высказываний вполне согласуется с основным содержанием концепции «охранительного либерализма» Чичерина, абсолютно уверенного в креативных способностях сильного просвещенного государства гарантировать прогрессивное и постепенное развитие социума. Главное – примирить свободу с властью и законом. Известный лозунг Чичерина – «либеральные меры и сильная власть» предполагал «либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием, – сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»⁴.

С другой стороны, в современной риторике о сильном государстве обязательно присутствует идея демократического устройства российской политической системы, чего нельзя обнаружить в рассуждениях отечественных либералов середины XIX в. Для них демократия – это кратчайший путь к анархии и диктатуре непросвещенного большинства и, в конечном счете, к революционным потрясениям. Это можно объяснить полуторавековым интервалом между анализируемыми периодами, в течение которого демократическая идея превратилась в очевидного мотиватора глобальных общественных преобразований. И сами ранние русские либералы (например, Чичерин или Кавелин) не отрицали грядущего наступления демократической эпохи, но сомневались в готовности к рецепции ее ценностей в т.н. «незрелых» обществах.

Первое, а значит программное послание президента Путина содержало в себе многие базовые либеральные принципы, среди которых выделялась декларация незыблемости экономической свободы и собственности, неоднократно повторявшаяся и в последующих его обращениях. Опираясь на отечественный исторический опыт, он резюмировал: «...ключевая роль государства в экономике – это, без всяких сомнений, защита экономической свободы. Наша стратегическая линия такова:

³ Путин 2000.

⁴ Чичерин 1862, С. 199–200.

меньше администрирования, больше предпринимательской свободы – свободы производить, торговать, инвестировать». Государственное присутствие в экономической сфере должно состоять «не в увлечении административными рычагами, не в экспансии государства в отдельные отрасли (это мы уже проходили, это было неэффективно) и не в поддержке избранных предприятий и участников рынка, а в защите частных инициатив и всех форм собственности»⁵.

Лишь некоторые ранние русские либералы (Бабст, Чичерин) были последовательными приверженцами экономической свободы, минимизации государственного участия и, одновременно, все либеральное общество радело за безусловное право владения и распоряжения частной собственностью. Так, в 1856 г. в своей речи, ставшей впоследствии широко известной в образованных столичных кругах, признанный специалист в экономических вопросах профессор политэкономии и статистики Бабст заявил: «предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели»⁶.

В обеих декларациях звучит призыв к институционализации экономической свободы посредством проведения выверенной законотворческой деятельности верховной властью. В речи российского президента присутствует лозунг «диктатуры закона» в контексте рассуждений о границах государственного вмешательства, что однозначно коррелирует с позицией Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма». Он обращал внимание своих союзников и оппонентов на необходимость пропагандировать и развивать традицию подчинения не только т.н. «хорошим» законам, имеющим очевидную социальную поддержку, но и «плохим», которые несмотря ни на что сохраняют статус обязательного для исполнения законодательного акта.

Вместе с тем, можно провести и другую параллель – между теоретическими интенциями Чичерина к централизации управления, что означало «подчинение местных властей центральному правительству, восхождение дел из отдельных областей в верховные учреждения, установленные для всего государства»⁷ и предложением президента России по вопросу об укреплении федерализма, выразившееся в созда-

⁵ Путин 2000.

⁶ Бабст 1999, С. 123.

⁷ Чичерин 1858, С. 204.

нии федеральных округов и назначении в них президентских представителей. Суть этого решения, по словам Путина, «не в укрупнении регионов, как это иногда воспринимается или преподносится, а в укрупнении структур президентской вертикали в территориях. Не в перестройке административно-территориальных границ, а в повышении эффективности власти. Не в ослаблении региональной власти, а в создании условий для упрочения федерализма»⁸.

Во втором послании (2001 г.) президент Путин обратил внимание на губительные для России революционные/контрреволюционные циклы развития, выбивавшие страну из естественного (нормального) исторического движения. В качестве альтернативы он предложил оставить в прошлом попытки радикально изменить статус-кво и сосредоточиться на укреплении стабильности в обществе, постепенном решении трудных проблем за счет ежедневного квалифицированного труда всех участников преобразовательного процесса.

Похоже рассуждали и ранние русские либералы, полагавшие, что в первую очередь следует «переварить» и «освоить» содержательный контекст Великих реформ 1860–1870-х гг., решительно отвергнув революционные перспективы. Общее неприятие любого образа русской революции ясно прозвучало еще в известном «Письме к издателю» Кавелина и Чичерина, адресованном А.И. Герцену. После этого появилось письмо Чичерина к Герцену (результат их личной встречи в 1858 г. во время заграничной поездки Чичерина), в котором он резко и по содержанию, и по тональности критиковал теоретические соблазны политического радикализма. Уже в период Великих реформ Чичерин настаивал на том, что в России «дело первостепенной важности – возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания»⁹.

В течение первого президентского срока Путин в посланиях неоднократно возвращался к идее сильного государства как безальтернативному историческому выбору России. Акцентируя географические особенности страны и очевидные трудности сохранения ее целостности в прошлом и настоящем, он часто прибегал к мобилизационной риторике полагая, что «такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада»¹⁰.

⁸ Путин 2000.

⁹ Чичерин 1862. С. 162.

¹⁰ Путин 2003.

Еще одна «общая» тема интеллектуальной рефлексии ранних русских либералов и политических заявлений второго президента России в начале 2000-х – выбор европейского пути развития страны. Для либералов середины XIX в. внутреннее обустройство государства и общества по западноевропейским «лекалам» вполне соответствовало базовым положениям политики «просвещенного самодержавия». Они относили Россию к числу европейских стран, обреченных на общую историческую судьбу и схожую стратегию развития в настоящем и будущем. Многие из них не разделяли мнения своих оппонентов об унижительности копирования западного опыта, искренне удивляясь их стремлению к культивированию национальной обособленности. Так, Бабст обоснованно задавался вопросом: «Неужели обидно для нас, когда мы должны прийти к убеждению, что, оставаясь вполне самостоятельными, мы все-таки проходим и проходили те же эпохи исторического развития, как и остальные народы Европы. Не будь этого, мы были бы какими-то вырожденками человечества, и потому-то, вместо того, чтобы считать ту или другую форму нашей общественной жизни исключительно русской, не вернее ли, не основательнее ли справиться с историей»¹¹.

В 2003 г. в обращении президента России к Федеральному Собранию сближение и даже интеграция с Европой названо важным элементом внешней политики государства. Здесь же присутствуют рассуждения об интересах «большой Европы», требующих новых качественных шагов навстречу друг другу для обеспечения свободы передвижения граждан и формирования единого экономического пространства. Во время второго президентского цикла Путин в послании 2005 г. в очередной раз остановился на стратегических принципах государственной политики. Среди главных приоритетов – сохранение преемственности в таких вопросах как дальнейшая евроинтеграция России, безусловное доминирование права и неприкосновенность частной собственности. Глава государства определил цивилизационную роль социокультурных идеалов Европы для исторического развития российского общества, движение которого в продолжение трех последних столетий осуществлялось в тесном идейно-политическом взаимодействии с европейскими народами. В частности, Путин заявил, что вместе мы «прошли через реформы Просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим социальным завоеваниям»¹².

¹¹ Бабст 1859, № 4, С. 474.

¹² Путин 2005.

Интеллектуальный феномен раннего русского либерализма неотделим от европоцентристских интенций. Либералы середины XIX в. всемерно приветствовали распространение в России достижений и ценностей западной цивилизации, а также саму возможность превратиться в прилежных учеников ведущих держав. Не отрицая вариативности социального развития, наличия в нем разнообразных маршрутов, они последовательно защищали идею общности исторических судеб народов в преодолении сугубо национального прошлого посредством интеграционных процессов. Родоначальники русской либеральной традиции видели в создании империи Петром I отправную точку в истории европеизации России, после чего она из периферии и географической провинции превратилась в составную часть цивилизованного мира.

Европейские устремления России президент Путин связывал с демократическими ценностями, которые, по его мнению, не менее значимы, чем экономический успех или социальное благополучие людей. Он настаивал на исключительно правовых способах развития демократических принципов мироустройства, предупреждая, что «всякого рода неправовые методы борьбы за национальные, религиозные, иные интересы противоречат самим принципам демократии. Государство будет на них законным, но жестким образом реагировать»¹³.

Известное ситуационное неприятие демократии ранними либералами, вызванное политической незрелостью отечественного социума, тем не менее, не снимало с «раннелиберальной повестки» тезис о необходимости длительной подготовительной работы по просвещению и распространению правовых знаний и политической культуры в обществе. Либералы сакрализировали правовой порядок как неперемutable условие любых демократических нововведений. Кавелин утверждал: «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству»¹⁴.

Родоначальники отечественного либерализма конструировали рационально-утопическую модель «прорыва» общества к демократическому будущему, серьезно опасаясь его социально-политических девиаций. Обращает на себя внимание идея «правового централизма» как предварительного и обязательного условия преобразований, призванная защитить государство от возможных опасных потрясений и гарантировать эволюционный характер изменений. Вместе с тем, в современной риторике высшей политической элиты России постоянно звучит озабоченность по поводу правового нигилизма уже в принципиально иных

¹³ Там же.

¹⁴ Кавелин 1898, Т. 2. С. 137.

исторических условиях существования, что актуализирует давнюю концепцию раннего русского либерализма о соотношении власти и свободы и неперменном, активном участии государства в национальном политическом процессе. Фактически верховная власть (скорее неосознанно) «обратилась» к центральному положению чичеринской модели «охранительного либерализма» – «либеральные меры и сильная власть», пытаясь в первую очередь обуздать государственно-правовым способом демократические интенции 1990-х гг.

Одна из безусловных доминант первых президентских посланий – идея максимальной защиты права частной собственности от внутренних социально-экономических и политических вызовов. В 2005 г. Путин заявил: «Незыблемость права частной собственности – это основа основ ведения всякого бизнеса. Правила, которых придерживается в этой области государство, должны быть ясны для всех и, что немаловажно, быть стабильны. Это позволяет нормально планировать и ведение бизнеса, и жизнь каждого, кто развивает свое дело. Это позволяет гражданам спокойно, без опасений заключать соглашения по таким жизненно важным вопросам как, например, приобретение жилья или его приватизация, которая в основном уже прошла в нашей стране. Это в целом мотивирует к приобретению имущества и к расширению производства»¹⁵.

Следует обратить внимание не столько на сугубо экономическую составляющую программного заявления президента, сколько на его социальный мотивационный посыл. Путин призвал к проведению упрощенной процедуры легализации недвижимости рядовых граждан, имеющих у них денежных накоплений и т.д. Незыблемость права частной собственности, в данном случае, служит очевидным амортизатором социального недовольства в неравных условиях рыночного развития экономики. Это непосредственно коррелирует с содержанием принципиальных споров в среде ранних русских либералов по поводу тотального доминирования личной (частной) собственности в российском обществе середины XIX века. Так, Кавелин, в отличие от Бабста и Чичерина, последовательно возражал против чрезмерного и неподконтрольного распространения личной (частной) собственности. Он предупреждал, что там, где «только личная собственность господствует исключительно, там, рано или поздно, непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги, против которых доселе оставались бессильными все средства, – недуги, которые развиваются неудержимо, питаются и поддерживаясь сами собой»¹⁶. Обращает на себя внимание одинаковая озабоченность исторических акторов социальными последствиями перехода к всеобъемлющей и законо-

¹⁵ Путин 2005.

¹⁶ Кавелин 1898, Т. 2. С. 177–178.

дательно гарантированной системе частной собственности, которая в том и в другом случае вызывала и продолжает вызывать сомнения при принятии окончательных решений.

В своем первом программном послании в 2008 г. новый российский президент Д.А. Медведев счел необходимым остановиться на хорошо известной проблеме соотношения власти и свободы. Он вновь обозначил один из главных приоритетов общественного развития страны – построение справедливого общества свободных людей. Восприятие свободы трактовалось, в основном, в традиционном либерально-просвещенческом духе с акцентом на индивидуальную свободу, свободу слова, вероисповедания, мобильности, предпринимательства. Одновременно президент подчеркнул позитивную роль государства на современном этапе развития российского социума. Наряду с идеями децентрализации и гуманизации социального устройства и политической системы России, разграничения полномочий центра и регионов, укрепления демократических институтов, прозвучала мысль о сильном государстве как инструменте развития гражданского общества и укоренения демократических учреждений в новейшей истории страны. В своем первом послании Медведев выступил с инициативой увеличения сроков конституционных полномочий президента и Государственной думы.

В чем-то схожие представления о прогрессивной миссии сильного государства можно встретить в рассуждениях Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», отводившего центральной власти роль «просвещенного сторожа» в сложный переходный период существования. Несмотря на кардинальные различия между двумя историческими эпохами прослеживается общий функциональный подход к определению места государства в преобразовательном процессе.

В данном контексте интересно высказывание президента Медведева по поводу традиционных для России отношений государства и личности. Он заявил, что в России «на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков». В подтверждение своих слов Медведев процитировал слова П.А. Столыпина: «Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот»¹⁷.

В свою очередь, отцы-основатели раннего русского либерализма многократно рассуждали о противоположности отечественного и евро-

¹⁷ Медведев 2008.

пейского исторического опыта, контрверзы коллективного/государственного и индивидуального начала, способности к самоорганизации в развитых западных обществах и склонности к безусловному подчинению, социальной пассивности соотечественников. Более того, в их работах можно обнаружить призыв к актуализации доминирующей роли гражданских интересов по отношению к государственным. В частности, Кавелин достаточно определенно высказывался о том, что гражданские интересы, «прежде заслоненные государственными, или рассматриваемые сквозь их призму теперь по преимуществу занимают умы; настает их черед, как прежде был черед государственных и политических. Примирение и соглашение частных интересов и потребностей приведения их к единству, словом их организация составляет такую же важную задачу нашего времени и ближайшего будущего, как прежде организация общественных элементов, осуществленная государством...»¹⁸. Однако мнение Кавелина не полностью разделял Чичерин, ратовавший за разделение гражданского и политического общества и демонстрировавший большой этатизм в вопросах иерархии и централизации.

В данном случае близость раннелиберального дискурса и современной политической риторики верховной власти наблюдается не столько в конкретных фразах, сколько в утопической идеализации креативных способностей государства, которое может сконструировать рациональную модель движения к заданной цели – акцентированное развитие личностного начала и активное социальное проектирование. В обоих случаях, судя по всему, главные надежды связаны с правовой деятельностью власти, обеспечивающей законодательные гарантии для каждого конкретного индивида. Тогда вполне естественно обращение Медведева к словам Чичерина о том, что в праве следует видеть не только продукт практической пользы, но и «условие истинно человеческого существования»¹⁹. В своих посланиях Федеральному Собранию новый президент, сохраняя преемственность с риторикой своего предшественника, неоднократно возвращался к идее полноценного развития демократии в России в строгих рамках правового поля в сочетании с жестким противодействием любым незаконным попыткам радикального нарушения статус-кво. Активизация политической жизни в стране в конце 2011 г. реанимировала тревогу властей перед непредсказуемыми социальными последствиями и перспективой погружения общества в состояние неопределенности.

Слова Медведева в президентском послании 2011 г. о потребности общества в зрелой демократии, не допускающей никакого хаоса, (как и в период президентства Путина) перекликаются с программным положе-

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.

¹⁹ Медведев 2008.

нием раннего русского либерализма об опасности революционных потрясений при переходе к демократии в «незрелых» социумах. Чичерин, акцентировавший идею институционального и содержательного несовершенства любого демократического устройства с доминированием большинства над меньшинством, бедных над богатыми, предупреждал, что политическая свобода «требует общественных условий, которые вырабатываются медленно, трудным жизненным путем, и без которых введение представительного устройства может породить только смуту»²⁰. В том и в другом историческом контексте обращает на себя внимание не столько неприятие каких-либо радикальных политических событий, сколько одинаковая репрезентация идеальной (зрелой) модели демократии, которой не было и все еще нет в России, но процесс формирования которой в национальных условиях постоянно вербализуется и ассоциируется с серьезными социальными девиациями, ставящими под сомнение саму возможность достижения желанной цели в данной территории. До конца остаются непонятными конкретные «технические задания» для реализации самого проекта созидания российской «зрелой демократии», что традиционно сохраняет за этой проблемой декларативный теоретико-политический статус и препятствует ее переходу в пространство прикладного «инжиниринга».

В президентском послании 2012 г., озвученном уже Путиным, довольно четко обозначен «национально-патриотический поворот» в риторике верховной власти. В данном программном документе традиционно затронута проблема соотношения демократии и государственного начала. На фоне уже привычного обращения к идее сильного государства как исторически детерминированной российской политической константе, впервые так ясно прозвучала мысль о суверенизации демократических ценностей. В частности, президент заявил: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире. Однако российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне»²¹.

Во-первых, следует обратить внимание на противоречие в послании между декларацией приоритета универсальных международных демократических норм, с одной стороны, и их прикладной незначимостью в конкретных национальных условиях, с другой. Во-вторых, здесь же, в одном и том же тексте присутствуют отсылки к принципиально разным российским историческим традициям – в первом случае (в при-

²⁰ Чичерин 1899, С. 563.

²¹ Путин 2012.

веденной выше цитате) к народному самоуправлению, а чуть позже – к характерной для России традиции сильного государства²². Вообще в истории российского государства очень сложно обнаружить периоды институционального расцвета народного самоуправления.

Этот «поворот» в политической риторике верховной власти серьезно корректирует дальнейший поиск достаточных оснований для содержательных корреляций между аксиологией раннего русского либерализма середины XIX в. и ценностными ориентирами президентских посланий XXI в. Основатели отечественного либерализма являлись западниками, разделяясь, по большей части, на англофилов и франкофилов. Стремление некоторых из них сохранить традиционные социальные и политические институты детерминировалось, прежде всего, темпоральными сомнениями в адекватной готовности и способности российского социума к восприятию западной модели демократии, а не концептуальной и логической опасностью импорта европейских либеральных стандартов. Ранние русские либералы много писали о принципиально разных исторических судьбах России и Европы, нередко сожалея об этом, но постоянно настаивая на наличии многочисленных несовпадений и, следовательно, национальных особенностей отечественного опыта развития. Однако они не видели иной альтернативы кроме тщательного выбора наиболее удачной для России стратегии рецепции разнообразных европейских норм и правил социального проживания. Более того, будучи европоцентристами, они часто акцентировали идею общеевропейского единства, в орбиту которого, начиная с Петровских времен, попала и Россия. Еще в середине 1840-х гг. Кавелин утверждал, что «безусловное заимствование европейской цивилизации и ученическое отношение к западному миру, характеризующие эпоху русской истории от Петра до первой четверти XIX века, было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они так долго поглощали наши силы без всякой внешней необходимости. Россия вошла в число европейских государств, тесно соединила с ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого нового братства»²³.

Несмотря на то, что в следующем президентском послании 2013 г. вновь озвучивалось программное положение раннего русского либерализма о соединении свободы и сильного государства, содержательный контекст политической риторики верховной власти изменился под влиянием «национально-патриотического поворота». С одной стороны, Путин, как в свое время отечественные либералы середины XIX в., говорил о важности реформирования судебной системы и совершенствования основ местного самоуправления для достижения заявленных

²² Там же.

²³ Кавелин 1859, Ч. 2. С. 52.

стратегических целей. С другой стороны, в послании он вновь актуализировал тему метафизической роли традиционной аксиологии по отношению к универсальным (западным) ценностям. Рассуждая о современной ситуации, президент заявил: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здорового признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии»²⁴.

В этой связи уместно вспомнить т.н. дискуссию о «народности» второй половины 1850-х гг., которую ранние русские либералы вели со своими оппонентами «справа». Консервативные критики опирались на идею витальности и непогрешимости «народного воззрения» для отечественной истории, противопоставляя исконную русскую традиционность чуждому западному опыту. Они были последовательными противниками вполне естественных интеграционных процессов (например, европеизации России), полагая их вредным рукотворным итогом сознательных действий либералов и их союзников.

В свою очередь, ранние русские либералы, не отвергая в принципе национального своеобразия любого народа и признавая самоценность традиции, не пытались одновременно провести жесткую границу между самобытностью и европейским цивилизационным мейнстримом, отстаивая и защищая содержательные концепты эпохи Просвещения. Они считали, что с образованием, «с развитием, с цивилизацией сглаживаются народные отличия. И не слагая с себя своего типа, не отрешаясь от народности, каждый народ, принимающий плоды цивилизации, работает сам усердно над сглаживанием и уравниванием всех резких и угловатых особенностей своего быта, дабы вступить в общую семью европейскую и стать в ряды носителей цивилизации»²⁵.

В 2014 г. ранее избранный тренд президентских посланий на разграничение и противопоставление национальной и европейской аксиологии существенно усилился. Это безусловно связано с известными украинскими событиями, присоединением Крыма к России и санкционным ответом западных держав. Путин жестко заявил: «Если для ряда

²⁴ Путин 2013.

²⁵ Бабст 1859, № 8, С. 569.

европейских стран национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования»²⁶. Таким образом, «патриотический поворот» стал долгосрочной стратегией исторического развития страны.

Исследование современного российского политического дискурса на примере президентских посланий 2000–2015 гг. позволяет выявить некоторые его особенности и содержательные параллели с предшествующей интеллектуальной традицией. На протяжении большей части этого периода в официальной риторике высших должностных лиц государства постоянно обсуждалась онтологическая проблема – соединение и совмещение либеральной идеи свободы и сильной власти, что несомненно актуализирует уже в новых временных условиях концепцию раннего русского либерализма, сложившуюся в середине XIX в.

В 2000–2011 гг. в президентских обращениях нередко использовалась (скорее неосознанно) раннелиберальная аксиологическая матрица – «либеральные меры и сильное государство», централизация власти (президентская власть), неприятие любых революционных практик, правовой центризм (диктатура закона), европеизм (евроинтеграция), постепенные реформы «сверху» с максимальной адаптацией традиционных форм существования к нововведениям, индивидуализм и свобода личности (демократические ценности), неприкосновенность частной собственности и свободное развитие экономики, формирование общественного мнения (гражданское общество) и т.д.

Вместе с тем, было бы наивно полагать, что речь идет о прямой интеллектуальной рецепции либеральной аксиологии середины XIX в. в актуализированном российском политическом пространстве. Допуская вероятность распространения некоторого знания истории отечественного либерализма в среде сегодняшней властной элиты России, следует скорее всего обратить внимание на особенности национальной модернистской парадигмы. На новом переходном этапе в ее границах возросла конфликтность между традиционалистскими ценностями (социокультурная чересполосица больших территорий, правовой нигилизм, патернализм в социальных коммуникациях и т.д.) и телеологией модернистского прорыва в число ведущих мировых держав.

Возможно интуитивное обращение президента Путина к программным положениям раннелиберальной концепции мотивировалось, в конечном счете, исключительно внешнеполитическими амбициями, допускающими использование элементов исторической политики в виде риторических формулировок о сильном государстве, централизации власти, евроинтеграции и демократических свободах. В свою оче-

²⁶ Путин 2014.

редь, для либералов середины XIX в. великодержавные интенции вообще не входили в перечень их концептуальных деклараций.

Однако более интересной могла бы стать версия о содержательной близости аксиологии раннего русского либерализма и современного политического дискурса российской элиты в период 2000–2004 гг., когда геополитические успехи мыслились как результат прежде всего плодотворного внутреннего реформирования общества. И только впоследствии, в силу нарастающих сложностей и противоречий в проведении системных реформ в стране и неудачи во внешней интеграционной политике обозначилось стремление к разрыву с прежним курсом и репрезентации имперской модели развития. В 2012 г. завершился «национально-патриотический поворот» в политической риторике высшей государственной элиты. По разным причинам (внутренним и внешним) в очередной раз (как в конце XIX в. в период контрреформ) преобразовательный вектор движения сменился на политику культивирования традиционных ценностей в качестве опоры стратегического национального «инжиниринга» в разрыве с современным западным опытом. С этого периода концептуальные параллели с программой раннего русского либерализма середины XIX в. окончательно потеряли актуальность. Возможно по прошествии некоторого времени Россия снова окажется перед необходимостью решать вопросы исторического транзита, совершая при этом привычную ревизию собственной интеллектуальной истории.

ДОКУМЕНТЫ

- Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>

БИБЛИОГРАФИЯREFERENCES

- Бабст И.К. Избранные труды. М.: Наука. 1999. 301 с.
- Бабст И.К. Три месяца за границей. Письмо пятое // Атеней. 1859. № 4. С. 455–477.
- Бабст И.К. Три месяца за границей. Письмо шестое // Атеней. 1859. № 8. С. 565–601.
- Кавелин К.Д. Сочинения. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин. 1859. Ч. 2. 614 с.
- Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. Т. 2. 1258 с.
- Малинова О.Ю. Историческая политика в XXI веке // Сб. статей / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 646 с.

- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 207 с.
- Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858. 356 с.
- Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов М.: тип. Грачева и комп. 1862. 265 с.
- Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина. 1899. 810 с.
- Poole R.A. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. 16, 1. P. 157–181.

REFERENCES

- Babst I.K. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. М.: Nauka. 1999.
- Babst I.K. Tri mesyatsa za granitsej. Pis'mo pyatoe [Three Months Abroad. The Fifth Letter] // *Atenei*. 1859. № 4. P. 455–477.
- Babst I.K. Tri mesyatsa za granitsej. Pis'mo shestoe [Three Months Abroad. The Sixth Letter] // *Atenei*. 1859. № 8. P. 565–601.
- Kavelin K.D. *Sochineniya* [Compositions]. М.: K. Soldatenkov i N. Shepkin. 1859. Ch. 2.
- Kavelin K.D. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha. 1898. T. 2.
- Malinova O.YU. *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the XXI Century] // *Sb. Statei / Nauch. Red. A. Miller, M. Lipman. М.: Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2012.
- Malinova O.YU. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvyushei elity i dilemma rossiiskoi identichnosti* [Actual Past: The Symbolic Policy of the Ruling Elite and the Dilemma of Russian Identity]. М.: *Politicheskaya entsiklopediya*. 2015.
- Chicherin B.N. *Ocherki Anglii i Frantsii* [Essays of England and France]. М.: V tipografii Ernsta Barfknekhta i komp. 1858.
- Chicherin B.N. *Neskol'ko sovremennykh voprosov* [Several Modern Questions]. М.: V tipografii Gracheva i komp. 1862.
- Chicherin B.N. *O narodnom predstavitel'stve* [About the People's Representation]. М.: Tipografiya tovarishestva I.D. Sytina. 1899.
- Poole R.A. *Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. 16, 1. P. 157–181.

Шнейдер Константин Ильич, доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета; kshneyder@yahoo.com

Early Russian Liberalism of the mid-19th c. and official political discourse of contemporary Russia

The article is devoted to a comparative study of the intellectual phenomenon of early Russian liberalism of the mid-19th c. and the current political rhetoric of the presidential messages of 2000-2015. The author defends the hypothesis of actualizing the ideological heritage of domestic liberalism in the context of the transitional period of development that Russia is currently experiencing. Despite the time gap of more than a hundred years, such axiological dominants of the early liberal concept as the search for the optimal way of combining liberal reforms and a strong state, the centralization of power, opposition to any revolutionary practices, Europeanism, the coexistence of traditional and modern forms of residence, the inviolability of private property, economic freedom received a certain political response in the texts of presidential speeches, especially in 2000-2011. Similar comparative research experiments contribute to the construction of new academic spaces, within which there is an opportunity to revise the existing versions of Russian intellectual history.

Keywords: intellectual history of Russia, early Russian liberalism, freedom, property, personality, Europeanization

Konstantin Shneider, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Department of Ancient and Modern History of Russia, Perm State University; kshneyder@yahoo.com